

щика». Батый пришел в страшную ярость и потребовал, чтобы ему выдали стрелка. Василий отправился в стан к Батыю и хитростью избил всех татар, после чего Батый поспешно вернулся в свою землю, дав себе зарок никогда больше не воевать Киева. По другому варианту былины, князь, узнав, что в татар стрелял Василий, готов его предать и говорит ему:

Ай же ты, голь кабацкая!
Не ты ли бил силу Батыгину?
Поезжай-ко ко Батыги со ответом сам."

Вс. Миллер считает, что былина сложилась уже в XVII в. среди голи кабацкой и, кроме поэтического плача богородицы на киевской стене, она не содержит больше ни одной «крупницы старины». Конечно, такое выражение, как «дьяк-выдумщик», могло появиться в былине спустя долгое время после свержения татарского ига; позднейшими наслоениями являются, вероятно, и некоторые другие детали. Но если взять основное содержание былины, то в ней очень верно и тонко представлена вся историческая правда о борьбе народа с татарами: в то время как верхи общества совершенно теряются перед опасностью, представитель самых, казалось бы, незначущих низов принимает на себя всю тяжесть неравной борьбы, а когда он выходит победителем, то князь не прочь за его счет договориться и столковаться с недругами.

Что касается письменной литературы, то непримиримое отношение народа к татарскому игу нашло выражение в двух памятниках: в Повести о Меркурии Смоленском и в Повести о разорении Рязани Батыем.

Повесть о Меркурии Смоленском¹⁰ содержит много скорбных мест, рисующих ужасы Батыева погрома, «великое пленение от оных злых варвар». Они разоряли города, разрушали монастыри и церкви, убивали мужчин и женщин, вырывали детей из рук матерей и предавали их мучительной смерти, насиловали жен и девиц и «мнози... тогда от православных сами резаху ся и смерти приимаху, дабы не осквернитися от поганых». Оставшихся в живых варвары связывали за волосы и гнали как скот.

Но на убийц и насильников нашелся мститель. В ту самую ночь, когда Батый, имея в своем стане какого-то богатыря с сыном, тайком подошел к Смоленску, богородица приказала пономарю своей церкви, чтобы он пошел во двор к благочестивому юноше Меркурию и велел ему прийти к ней с ратным оружием («во всем... в воинском подобии»). Пономарь быстро исполнил поручение и вернулся в церковь с Меркурием. Здесь богородица велела ему тотчас выступить против Батыя и его исполнителя. Богородица, однако, предупредила Меркурия, что освобождение города будет достигнуто ценою его жизни.

Меркурий явился в расположение татарской рати, отсек голову исполниту и потом всю ночь до зари бил мечом татар. После этого он отошел к тому

⁹ Вс. Миллер. Былина о Батые. — Очерки русской народной словесности, [т. I]. М., 1897, стр. 305—327.

¹⁰ Последний исследователь вопроса, Л. Т. Белецкий, делит изученные им 37 списков Повести о Меркурии Смоленском на две основные повести. Первая, в основе которой лежит народное сказание, представлена одним только списком рукописи Московской Синодальной библиотеки 1665 г. Вторая повесть, также основанная на народном сказании, но хуже его сохранившаяся, подразделяется на четыре редакции (Л. Т. Белецкий. Литературная история повести о Меркурии Смоленском. — СОРЯС, т. 99, № 8. Пгр., 1922, стр. 48—49; см. также рецензию Л. Т. Белецкого на статью П. П. Миндалева «Повесть о Меркурии Смоленском и былевой эпос» (последняя напечатана в «Сборнике статей в честь Д. А. Корсакова», Казань, 1913, стр. 250—280); ЖМНП, 1914, декабрь, стр. 358—359). Встречающиеся ниже цитаты приводятся по первой редакции (рукопись Соловецкого монастыря: Л. Т. Белецкий. Литературная история... стр. 58—74).